

Харузин Николай Николаевич

**К вопросу об ассимиляционной
способности русского народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Николаевич Х.**
К вопросу об ассимиляционной способности русского народа / Харузин Николай Никола-
евич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-521-28911-0

ISBN 978-5-521-28911-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

или не успѣла, вслѣдствіе краткости періода своей дѣятельности, повліять на инородческій бытъ, или гдѣ ассимиляція началась уже раньше, а школа, появившись въ сравнительно позднее время, лишь поддерживает и ускоряетъ совершающійся ассимиляціонный процессъ.

Мы указывали, что русскій часто перенимаетъ на новыхъ мѣстахъ своего жительства одежду, способы устройства жилища и пр. отъ своихъ сосѣдей-инородцевъ. Однако факты этого рода не всегда могутъ служить доказательствомъ свойства легко утрачивать свою національность: всякій народъ, долго живущій въ одинаковыхъ условіяхъ климата, мѣстности и пр., вырабатываетъ себѣ извѣстную сумму способовъ борьбы противъ враждебныхъ условій природы: его жилище, утварь, одежда, орудія ловли, приемы для обработыванія земли и пр.,—все это—выработанныя долгими усиліями орудія для подчиненія, обезвреживанія или извлеченія пользы изъ природныхъ условій, въ которыхъ ему приходится жить. Когда народъ по какой бы то ни было причинѣ покидаетъ насиженный мѣста и переселяется, онъ можетъ попасть или въ одинаковыя, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе подходящія условія къ тѣмъ, въ которыхъ онъ жилъ раньше; въ этомъ случаѣ онъ быстро привыкаетъ къ новой обстановкѣ. Другое дѣло, когда онъ поселяется въ мѣстности, гдѣ природныя условія совершенно отличны отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ воспитался: ему приходится въ этомъ случаѣ произвести трудную работу для пріисканія новыхъ средствъ для борьбы съ природой. Эта борьба часто бываетъ длительной, и масса отдѣльных личностей гибнетъ, не будучи въ состояніи перенести новыя условія жизни, пока, наконецъ, не будутъ найдены и не выработаются, иногда только по прошествіи нѣсколькихъ поколѣній, удачныя способы борьбы. Это происходитъ обыкновенно тогда, когда поселившійся на новыхъ мѣстахъ народъ имѣетъ ближайшими сосѣдями племена, рѣзко отличающіяся отъ него по степени культуры и по характеру занятій. Но если его сосѣди въ общихъ чертахъ схожи съ нимъ по культурѣ, по занятіямъ,— работа по пріисканію новыхъ способовъ борьбы съ природой въ значительной степени облегчается. Новоприбывшіе, нисколько не утрачивая своихъ національныхъ особенностей, могутъ воспринять способы борьбы съ природой, которые были выработаны ихъ сосѣдами-старожилами въ той мѣстности, которая для переселенца

является и новой и неизвѣстной. Мы знаемъ, напр., что русскій насельникъ на сѣверѣ перенялъ у инородцевъ части одежды, способы ловли животныхъ, техническіе охотничьи термины. На Кавказѣ онъ перенимаетъ отъ своихъ сосѣдей одежду; въ способахъ постройки жилища онъ слѣдуетъ уже выработавшимся на мѣстѣ правиламъ. Въ Средней Азіи привыкшій жить въ бревенчатыхъ избахъ крестьянинъ-переселенецъ строить себѣ дома изъ глины по примѣру туземцевъ и лишь впоследствии переходитъ къ плетенымъ, обмазаннымъ глиной хатамъ; онъ усваиваетъ высокоразвитую въ средней Азіи систему ирригаціи полей и пр. Въ Обдорскѣ русскіе приняли самоѣдскій костюмъ, и многіе, подъ вліяніемъ самоѣдовъ, стали разводить оленьи стада. У бурятъ въ числѣ прочихъ заимствованій русскіе переняли одежду, способъ объѣзживанья лошадей, устройство телѣгъ, искусство приготовленія арака и пр. У вотяковъ они научились варить кумышку, которая обходится въ пять разъ дешевле водки. Подобныхъ примѣровъ можно привести большое количество, но какъ эти, такъ и аналогичные имъ факты не могутъ служить доказательствомъ въ пользу способности русскаго народа утрачивать свои національныя черты или, по крайней мѣрѣ, легко поддаваться чуждому вліянію: рядъ причинъ, какъ, напр., отсутствіе лѣса, непригодность прежняго покроя одежды при новыхъ климатическихъ или иныхъ условіяхъ, усмотрѣнныя выгоды извѣстныхъ способовъ производства и пр., заставляютъ ихъ заимствовать отъ старожиловъ-туземцевъ многое изъ ихъ культурнаго запаса. Параллельно съ этими заимствованиями идетъ и воспріятіе чуждыхъ словъ въ русскомъ языкѣ: знакомясь съ новыми предметами на новыхъ мѣстахъ, русскій поселенецъ естественно воспринимаетъ въ свой языкъ названіе или терминъ уже существующій у болѣе древнихъ насельниковъ данной области.

Мы вправѣ ожидать, что чѣмъ ближе русскій колонизаторъ стоитъ въ своемъ быту къ сосѣднему инородческому племени, тѣмъ болѣе будетъ этихъ заимствованій. Поэтому русскій поселенецъ, поставленный въ чуждые его родинѣ условія, заимствуетъ значительно больше отъ инородцевъ-земледѣльцевъ, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его сосѣди оказываются кочевниками.

Возможно, наконецъ, указать случаи потери русскими припѣльцами совершенно или почти совершенно своей національности,

которые однако не могут служить доказательствами отсутствія способности къ ассимилированію у русской народности. Какъ при-мѣръ могутъ служить т. наз. «полувѣрцы», живущіе въ Эстляндской губ. (у Чудскаго оз.): ихъ русское происхожденіе доказы-вается названіями деревень, въ которыхъ они живутъ (наприм. Олешница, Смольница, Князь-Село и т. п.), и ихъ фамильными прозвищами (напр. Рябининъ, Зеленый, Заболотный и т. п.). Между тѣмъ они утратили свою національную одежду, въ лицѣ многихъ своихъ представителей перешли изъ православія въ лютеранство и въ значительной степени забыли родной языкъ. Другая неболь-шая кучка русскихъ поселенцевъ недалеко отъ Ревеля, въ Аррокюль-скомъ приходѣ, водворенная тамъ во времена Петра I, почти все-цѣло подверглась эстонскому вліянію, поскольку это касается одеж-ды, быта, языка, и только православіе сохранялось ими до послѣд-няго времени; лишь нѣсколько стариковъ еще говорятъ по-русски, хотя и плохо, а болѣе молодые совершенно забыли родной языкъ. Подобные факты утраты русскими національности извѣстны (иногда впрочемъ на основаніи преданій) и на сѣв. Кавказѣ. Въ приве-денныхъ и аналогичныхъ имъ случаяхъ нельзя видѣть доказа-тельствъ въ пользу способности утрачивать свою національность; причина утраты въ данныхъ случаяхъ лежитъ, главнымъ образомъ, въ ничтожномъ, сравнительно съ туземцами, количествѣ русскихъ, слишкомъ слабыхъ, чтобы отстаивать свою національность среди окружающихъ ихъ инородческихъ и инувѣрческихъ сосѣдей.

Такъ какъ указанные факты не могутъ служить для выясненія существованія ассимиляціонной способности у русскаго народа, то матеріалъ, на которомъ можно основывать взглядъ для выяс-ненія поставленнаго вопроса, долженъ быть сведенъ къ тѣмъ явлені-ямъ, которыя имѣютъ мѣсто при, т. ск., массовомъ столкновеніи двухъ племенъ—русскаго и какого-нибудь инородческаго. Накопившіяся въ русской литературѣ данныя позволяютъ выставить слѣдующія общія заключенія: 1) подвергаются въ большей или меньшей степени обрусѣнію: а) финскія племена, населяющія сѣверъ и сѣ-веровостокъ; что касается финновъ, населяющихъ Финляндію, Эстляндскую и Лифляндскую губ., то они сохраняютъ стойко свою національность, что въ значительной степени находитъ себѣ объясненіе въ долговременной религіозной и отчасти въ полити-ческой обособленности указанныхъ частей Россіи, вслѣдствіе чего

сношенія съ русскими были лишь незначительны; б) рядъ болѣе или менѣе крупныхъ племенъ, принадлежащихъ къ монгольской, тюркской и арктической семьямъ. 2) Мало, либо вовсе не подвергаются обрусѣнію степныя кочевыя племена, кавказскіе горцы и др. 3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при столкновеніи съ инородцами русская народность выказываетъ стремленіе подвергаться ихъ вліянію и утрачивать свои національныя черты (якуты, киргизы въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири)¹

Перейдемъ къ разсмотрѣнію фактовъ, относящихся къ вопросу о существованіи у русской народности способности къ ассимилированію, причемъ начнемъ нашъ обзоръ съ финскихъ племенъ: финскія племена, наименѣе подвинувшіяся на пути культуры (лопари, остяки и вогулы), повсюду при столкновеніи съ русскими выказываютъ стремленіе къ обрусѣнію: они подражаютъ русскимъ въ устройствѣ своего жилища, перенимаютъ ихъ одежду, начинаютъ говорить по-русски и пр. и постепенно, такимъ образомъ, утрачиваютъ свои національныя особенности; это явленіе, конечно, наблюдается только тамъ, гдѣ представители указанныхъ народностей имѣютъ болѣе или менѣе постоянное общеніе съ русскими. Такъ, напримѣръ, лопари, живущіе въ далекихъ погостахъ и сталкивающіеся съ русскими лишь отрывочно, въ теченіе короткаго времени, когда лопари пріѣзжаютъ въ Колу для сдачи рыбы, хотя и говорятъ почти всѣ по-русски (мужчины), сохраняютъ еще много своеобразнаго въ своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ бытѣ. Другое дѣло, когда столкновенія этихъ двухъ народностей являются болѣе или менѣе постоянными: въ лежащемъ близъ Колы Кильдинскомъ погостѣ лопари, если это имъ позволяютъ ихъ матеріальныя средства, подражаютъ русскимъ въ одеждѣ настолько, что подчасъ одѣтаго по праздничному лопаря трудно отличить отъ русскаго; а изба состоятельнаго лопаря этого погоста не отличается отъ русской избы ничѣмъ существеннымъ. Остяки и вогулы сохраняютъ свои типичныя черты лишь тамъ, гдѣ имъ приходится мало сталкиваться съ русскими, гдѣ же этого условія нѣтъ, они быстро утрачиваютъ свои національныя черты, хотя въ общемъ остякъ не охотно принимаетъ нововведенія отъ русскихъ, къ которымъ относится съ крайнимъ недовѣріемъ ¹). Явленіе, ко-

¹) Hartwig. Der hohe Norden, p. 142.

торое наблюдается у наименѣе культурныхъ финскихъ народностей, повторяется и у тѣхъ, которыя въ настоящее время достигли уже довольно высокой ступени развитія.

Наиболѣе точныя свѣдѣнія объ обрусѣніи мордвы собраны, насколько намъ извѣстно, И. Н. Смирновымъ ¹⁾. Процессъ обрусѣнія мордвы, который продолжается уже три столѣтія, еще не законченъ и въ настоящее время; онъ начался со времени, когда среди мордвы начали появляться русскія поселенія, причемъ, какъ напр. на сѣверѣ, въ Нижегородской области, вотчины мордовскихъ князей отдавались часто русскимъ помѣщикамъ и монастырямъ. «Нельзя сказать, замѣчаетъ по этому поводу г. Смирновъ, чтобы новые владѣльцы руководствовались въ своей руссификаціи какой-нибудь системой: обрусительныхъ стремленій по отношенію къ инородцамъ мы не знаемъ даже у центральнаго правительства. Обрусѣніе вотчинной мордвы было побочнымъ продуктомъ экономическихъ стремленій вотчинниковъ. Получивши богатые естественными произведеніями вотчины мордовскихъ князьковъ, монастыри и помѣщики стремились извлекать изъ нихъ возможно болѣе прибыли и привлекали на мордовскую землю русскихъ колонистовъ—частью съ своихъ старыхъ земель, частью со стороны. Такъ возникали селенія и области со смѣшаннымъ мордовско-русскимъ населеніемъ». Въ другихъ мѣстахъ русскія поселенія возникали самостоятельнымъ путемъ, причемъ всюду результатомъ сожителства обоихъ племенъ была утрата мордвою своей національности. Мордва совершенно обрусѣла во многихъ деревняхъ Княгининскаго, Арзамасскаго и Лукояновскаго уу. Нижегородской губ., далѣе въ Саратовской губ. и за Волгой—въ Самарской, Уфимской и Оренбургской губ. Въ Мокшанскомъ краѣ—въ губ. Пензенской и Тамбовской—обрусѣніе далѣе всего пошло на Ю. и З., въ сосѣдствѣ съ Мещерской областью. На западѣ Шацкого у. еще въ XVII в. обрусѣніе мордвы было уже значительнымъ. Только на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, можно констатировать бывшее существованіе мордвы во многихъ селеніяхъ въ Шацкомъ и Моршанскомъ уу. до самого Тамбова; то же самое явленіе мы встрѣчаемъ въ Спасскомъ у. (Тамбовской губ.) и Чем-

¹⁾ И. Н. Смирновъ: Мордва. Изд. Общ. Арх. Исторіи и Этнографіи при И. Казанск. ун. X, 6, стр. 634—642.

барскомъ у. (Пензенской губ.). На сѣверѣ Пензенской губ., въ уѣздахъ Краснослободскомъ, Наровчатскомъ и Инсарскомъ мордва еще удерживаетъ свою національность, но и здѣсь старина уже начинаетъ падать, и русская рѣчь мужского населенія звучитъ почти безъ акцента.

Процессъ сліянія вотяковъ съ русской народностью начался сравнительно недавно. Вотяки, вообще недружелюбно относящіеся къ русскимъ, при появленіи въ ихъ земляхъ русскихъ колоній, уступали новымъ поселенцамъ свои владѣнія и предпочитали удалиться въ болѣе глухія мѣста, въ лѣса, гдѣ и устраивали новыя поселенія. Этимъ отступленіемъ вотяковъ, объясняется, по словамъ И. Н. Смирнова, ¹⁾, образованіе многочисленныхъ русскихъ поселеній съ вотяцкими названіями. „Вятскими земскими статистиками записаны преданія относительно возникновенія въ Елабужскомъ уѣздѣ нѣкоторыхъ русскихъ селеній съ вотяцкими названіями. Русскіе помнятъ, что на мѣстахъ ихъ селеній были вотяцкія, ранѣе покинутыя, помнятъ, что ихъ предки нашли на селищѣ пустые шалаши. «Вотякъ бѣжитъ отъ русскаго, какъ мышь отъ кошки», — говорятъ русскіе крестьяне Малмыжскаго у. Ту же характеристику за полтора столѣтія до нашего времени сдѣлалъ вотякамъ Гер. Фр. Миллеръ: „вотяки такъ дики и грубы, что ни съ какимъ другимъ народомъ дружескаго обхожденія имѣть не хотятъ, или чтобы жить вмѣстѣ въ одной деревнѣ“. Въ настоящее время, когда переходъ вотяковъ изъ одного мѣста въ другое значительно затруднился, и вотякъ, живя по сосѣдству съ русскимъ, вынужденъ сталкиваться съ нимъ, отношенія къ русскимъ нисколько не улучшились: вотяки, пишетъ г. Верещагинъ ²⁾, относятся съ недовѣріемъ къ русскимъ торговцамъ, въ особенности если они не знаютъ по-вотяцки; купцы же изъ агрызскихъ татаръ умѣютъ расположить въ свою пользу вотяковъ; «еще болѣе русскій возбуждаетъ въ вотякѣ недовѣріе и нелюбовь къ себѣ оттого, что онъ, русскій, любитъ подтрунивать надъ вотякомъ... Если зайдетъ русскій къ вотяку, вотяцкія женщины страшатъ имъ своихъ дѣтей... и на всѣ вопросы русскаго отвѣчаютъ молчаніемъ, хотя и могутъ удовлетворительно объясняться по-русски, а зайти тата-

¹⁾ Смирновъ: Вотяки, стр. 71.

²⁾ Гр. Верещагинъ: Вотяки Сарапульскаго у., стр. 25 и слѣд., 57.

рингъ—вотячки разговариваютъ, шутятъ съ нимъ охотно». Русскихъ, живущихъ среди вотяковъ, эти послѣдніе называютъ *пасъкытъ чыртты* (широкое горло, горлодеръ), *пумы* (собака), *бадзымъ кѣтъ* (большое брюхо) и т. п. Несмотря однако на недружелюбное отношеніе вотяковъ къ русскимъ, тотъ же изслѣдователь отмѣчаетъ, что вотяки, живя среди русскихъ, быстро русѣютъ, усваиваютъ русскіе обычаи, перенимаютъ русскіе вкусы въ выборѣ цвѣта одежды и пр. Главными путями руссификаціи являются, по словамъ И. Н. Смирнова ¹⁾, большія дороги, прорѣзывающія край: жители деревень, лежащихъ по близости отъ нихъ, забрасываютъ по немногу собственный костюмъ и обычаи. Въ 20-ти верстахъ напр. отъ Малмыжско-Глазовскаго тракта, въ селѣ Мултанъ, состоятельныя вотячки уже одѣваются въ русскія платья. На границѣ Глазовскаго и Слободскаго уу., въ селѣ Сада, въ приходѣ котораго рядомъ живутъ русскіе и вотяки, эти послѣдніе утратили въ значительной степени свои національныя черты. Вотяки указанной мѣстности извѣстны въ Глазовскомъ у. подъ кличкой «садинскіе оборотни». Кличка дана имъ потому, что вотяки, по мѣстному выраженію, «оборотились русскими» по внѣшнему виду и по языку, женятся на русскихъ дѣвушкахъ сами и выдаютъ за русскихъ своихъ дочерей. Здѣсь, замѣчаетъ г. Смирновъ, совершилось полное сліяніе вотяковъ съ русскими; пройдетъ два-три столѣтія, и о существованіи вотяковъ въ приходѣ останется смутное воспоминаніе.

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ которыя продолжаются частыя и непосредственныя взаимоотношенія русскихъ и черемисовъ, эти послѣдніе въ значительной степени поддались русскому вліянію. Такъ какъ исторія колонизаціи края, населеннаго нѣкогда черемисами, еще ждетъ своего изслѣдователя, и такъ какъ существованіе массы въ настоящее время чисто русскихъ деревень, носящихъ черемисскія названія, не можетъ служить еще неоспоримымъ признакомъ, что въ нихъ русскіе колонизаторы ассимилировали коренныхъ жителей, а не вытѣснили ихъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ вотяковъ,—то въ настоящее время еще не представляется возможности говорить о томъ, въ какой мѣрѣ выразилась въ прошломъ ассимиляціонная «способность»

¹⁾ Смирновъ: Вотяки, стр. 70, 71.

русскихъ въ отношеніи къ черемисамъ. Но явленія современности въ достаточной степени свидѣлствуютъ о томъ, что тамъ, гдѣ русское населеніе сталкивается съ черемисскимъ, послѣднее оказывается склоннымъ къ обрусѣнію. Въ настоящее время, по словамъ И. Н. Смирнова ¹⁾, встрѣчаются черемисскія деревни, въ которыхъ однако преобладающимъ элементомъ оказывается уже русскій, такъ что на нѣсколько десятковъ русскихъ дворовъ приходится нѣсколько единицъ черемисскихъ. Такія деревни являются результатами ассимилирующей дѣятельности русскаго народа; оставшіеся въ нихъ обломки черемисскаго населенія внѣ всякаго сомнѣнія въ скоромъ времени утратятъ свою національность подъ давленіемъ преобладающаго элемента. По наблюденіямъ г. Смирнова, сдѣланнымъ имъ въ губерніяхъ Костромской, Вятской и Казанской, руссификація сдѣлала большіе успѣхи въ двухъ первыхъ, чѣмъ въ Казанской. Черемисы Ветлужскіе и Яранскіе, продолжаетъ цитируемый авторъ, говорятъ очень правильнымъ русскимъ языкомъ, почти безъ акцента, и съ первыхъ фразъ способны отличать русскаго человѣка отъ иностранца, неправильно говорящаго по-русски. Уржумскіе и Малмыжскіе черемисы (южныхъ волостей) говорятъ уже съ меньшей правильностью, хотя и лучше Царевококшайскихъ. Въ деревняхъ, въ которыхъ черемисы и русскіе живутъ смѣшанно, дѣти и даже женщины говорятъ по-русски. Языкъ прокладываетъ дорогу русскому народному творчеству. Въ деревняхъ со смѣшаннымъ населеніемъ г. Смирнову приходилось слышать отъ черемисскихъ дѣтей загадки на ломанномъ русскомъ языкѣ, въ дѣтскихъ пѣсняхъ попадаются русскія фразы. Русское вліяніе на черемисовъ сказывается въ занятіяхъ, обрядахъ, въ дѣтскихъ играхъ, въ увеселеніяхъ взрослыхъ, на народной поэзій, въ космологическихъ и космогоническихъ преданіяхъ. Далѣе, постройки, домашняя обстановка, костюмъ—все болѣе и болѣе начинаетъ утрачивать оригинально-черемисскія черты и ассимилироваться съ русскими.

Ассимиляціонный процессъ, отмѣченный у мордвы, вотяковъ и черемисовъ, почти завершился въ настоящее время у пермяковъ,—племени, отъ котораго въ настоящее время сохранились лишь незначительные остатки. Часто цитированный нами проф. И. Н. Смир-

¹⁾ И. Н. Смирновъ: Черемисы, стр. 59—61.

новъ, которому мы обязаны лучшей монографіей, касающейся этнографіи пермяковъ, даетъ намъ и наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ обрусѣніи этого племени¹⁾: обрусѣніе пермяковъ, пишетъ онъ, продолжается медленными, но вѣрными шагами, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ и не оставляя въ русѣющемъ населеніи никакой горечи противъ господствующей народности. Въ настоящее время наиболѣе чисто сохранившіеся пермяки занимаютъ долину Иньвы, но и здѣсь дѣло обрусѣнія дало уже важные результаты. Волости Майкорская и Купросская и въ особенности селенія, по имени которыхъ носятъ онѣ свои названія, представляются уже въ значительной степени обрусѣвшими: здѣшній пермякъ желалъ бы, чтобы его принимали за русскаго и на категорическій вопросъ: «ты пермякъ?» — нехотя отвѣчаетъ: «не скроешь, пермякъ». Кувинская и примыкающія къ ней съ сѣвера Юмская и Юрлинская волости Чердынскаго у. населены уже такими пермяками, дѣти которыхъ будутъ только смутно помнить, что когда-то въ ихъ краю говорили на другомъ, не русскомъ языкѣ. Въ с. Юрлѣ не слышно другой рѣчи, кромѣ русской, и на вопросъ, живутъ ли въ селѣ пермяки, отвѣчаютъ отрицательно. Во всѣхъ трехъ названныхъ волостяхъ Чердынскаго у. жители считаютъ себя уже вполне русскими и говорятъ, что пермяки живутъ за р. Косой. Но и за р. Косой обрусѣніе уже началось. Какъ тамъ, такъ и въ Ошибскомъ приходѣ русскій языкъ, какъ языкъ обыденнаго домашняго разговора, еще не вытѣснилъ пермяцкій: жители еще говорятъ по-пермяцки, но русская пѣсня и русская загадка на игрищахъ, русскія присказки на свадьбахъ, русскіе наговоры и заговоры въ различныхъ случаяхъ, требующихъ участія колдуна, являются въ нѣкоторомъ родѣ обязательными. Женщины и дѣвушки, пишетъ далѣе г. Смирновъ, обыкновенно едва умѣющія связать нѣсколько словъ по-русски, поютъ съ величайшимъ усердіемъ русскія пѣсни, въ мѣру своего усердія, конечно, искажая ихъ, и выслушиваютъ длинные, цвѣтистыя, заученныя отъ русскихъ рѣчи и прибаутки дружекъ на свадебныхъ пирахъ; произведенія русскаго народнаго творчества проникаютъ, такимъ образомъ, къ пермякамъ раньше языка, завоевывая и подготавливая почву для этого послѣдняго. Далѣе, на верховьяхъ Камы,

¹⁾ Смирновъ: Пермяки, стр. 172—176.

гдѣ Кеппенъ въ 40-хъ годахъ насчитывалъ до 4600 пермяковъ, можно найти людей, говорящихъ сильно смѣшаннымъ съ русскимъ пермяцкимъ языкомъ, лишь въ двухъ трехъ деревняхъ. Г. Доброворскій, наблюдавшій пермяковъ Орловскаго у., — продолжаетъ тотъ же авторъ, — говорить, что особенно сильно обрусѣніе замѣчается въ смѣшанныхъ деревняхъ; здѣсь пермяки говорятъ по-русски, родятся съ ними и перенимаютъ всѣ мелочи быта. «Русскій крестьянинъ для такого пермяка — идеалъ; онъ копируетъ его даже въ мелочахъ, въ походкѣ, въ одеждѣ, въ постройкахъ, во всемъ».

Переходя отъ восточныхъ финновъ къ ихъ западнымъ сородичамъ — корелямъ, мы видимъ, что и они, при столкновеніи съ русскими не въ силахъ отстоять свою національную самобытность. Несмотря на то, что сношенія русскихъ съ корелями восходятъ еще къ глубокой древности, процессъ обрусѣнія этого племени еще продолжается. Эта кажущаяся медленность находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что корелы при началѣ русской колонизаціи края долгое время, какъ это дѣлали вотяки и, повидимому, черемисы, отступали передъ новыми насельниками. «Доказательствомъ такого насильственного оттѣсненія корельскаго элемента новгородско-псковскою народностью, пишетъ г. Соборновъ ¹⁾, служить то, что многія селенія, заселенныя въ настоящее время одними русскими, носятъ и до нынѣ корельскія названія. Доказательствомъ оттѣсненія кореловъ въ глушь края служить и то, что въ настоящее время встрѣчаются корельскія селенія, въ которыхъ, что называется, «птица не залетаетъ». Въ концѣ-концовъ вышло слѣдующее: русскій элементъ занялъ всѣ лучшія и наиболѣе удобныя мѣста при большихъ озерахъ и рѣкахъ, обилующихъ цѣпной рыбой, при которыхъ или недалеко отъ нихъ возникли селенія и одиночные поселки... Корельскій-же элементъ, оттѣсненный въ глухія, дремучія и неудобныя мѣста, удаленный отъ большихъ и лучшихъ водныхъ резервуаровъ и удобныхъ центровъ сбыта рыбы и звѣря, уединяясь отъ русскаго элемента, началъ вести жалкую жизнь, поддерживаемую одною рыбою». Въ болѣе глухихъ мѣстахъ, гдѣ корель живетъ обособленно, сталкивается съ русскими только изрѣдка, преимущественно со скупщиками рыбы, ко-

¹⁾ А. С о б о р н о в ъ: Къ исторіи культуры, Олонецкой корелы. „Олонецкій Сборникъ“. I, стр. 125, 126.